

У подножия постоянного двора Ваншу Моча и Ганьшэн сошлись в противостоянии, а Венти и Сяо наблюдали за ними со стороны. Венти держал в руках бутылку вина и подносил её к губам Сяо, пытаясь напоить адепта против воли.

Моча принял оборонительную стойку, но Ганьшэн атаковал первым. Мгновенно сократив дистанцию, он направил Ехуа Жанься прямо в грудь противника. Моча не успел увернуться и в спешке создал на левой руке круглый щит из энергии решимости, приняв удар на себя. Оба отступили на несколько шагов.

В руках Ганьшэна темно-красное копьё Ехуа Жанься излучало острую, пронизывающую ауру. Ганьшэн мгновенно сбросил свою прежнюю расслабленность, и от него повеяло леденящим ужасом.

Моча вздрогнул и активировал шаринган.

Ганьшэн вновь бросился в атаку, нанося удары копьём с молниеносной скоростью. Моча видел каждое движение, но тело не успевало реагировать. Лезвие Ехуа Жанься рассекло ему руку, и по ней потекла алая кровь.

Ганьшэн взмахнул копьём, и окровавленное острие полоснуло в сторону шеи Мочи. Тот напил свой клинок энергией, отчего по лезвию пробежали кроваво-красные искры, и скрестил оружие с копьём противника. Оба замерли в напряжении, вкладывая все силы в противоборство, пока, наконец, Мочу не отбросило в сторону.

Едва он успел восстановить равновесие, как Ганьшэн снова ринулся в бой. Взмыв в воздух и эффектно вращая копьё, он обрушился сверху, сжимая древко обеими руками.

Моча с трудом удержал удар, а затем резко пнул Ганьшэна, отшвыривая его прочь.

Моча потряс рукой: столкновение с древком копья было настолько мощным, что он едва не раздробил себе кости.

Ганьшэн метнул в него Ехуа Жанься. Моча легко уклонился, сделав шаг в сторону, но, присмотревшись, обнаружил, что Ганьшэн исчез.

Внезапно противник возник прямо над ним, левой рукой перехватил летящее копьё, а правой нанес удар, сбивший Мочу с ног.

Ганьшэн протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но в этот момент фигура Мочи рассыпалась, словно мыльные пузыри, а сам он вернулся на исходную позицию.

Мочу прошиб холодный пот: если бы тот удар пришелся в полную силу, он наверняка сломал бы пару ребер.

Дуэль закончилась вничью, притом что Ганьшэн даже не использовал силу элемента.

Барбатос наблюдал за происходящим с живым интересом. Один взгляд на его довольную физиономию заставил Мочу закипеть от возмущения: ведь это именно он втянул его в битву с Двалином, едва не погубив, да еще и явился так поздно.

— Ты еще смеешься? Да я чуть не погиб из-за тебя! И к тому же, почему ты нашел меня так поздно? У тебя вообще есть сердце?

— Кхе-кхе, эхе, ну, чтобы усмирить Двалина, тоже нужно время. Я пришел к тебе сразу, как смог. К тому же, ты ведь цел и невредим.

Моча подозрительно посмотрел на Барбатоса, не веря ни единому слову.

— Правда? — Моча пристально вгляделся в лицо архонта.

— Кхе-кхе, я просто выпил пару бутылок перед тем, как идти.

— Я так и знал!

Моча был настолько взбешен, что лишился дара речи. Он схватил Венти за щеки и принялся нещадно их растягивать.

Моча хотел вернуться вместе с Венти, но тот заявил, что сейчас слишком слаб и ранен, поэтому лучше остаться залечивать раны в Ли Юэ, тем более что Мондштадт все равно еще восстанавливается.

Моча не стал спорить: здесь было спокойнее.

Вернувшись на постоянный двор, Моча и Ганьшэн разговорились. После недавнего поединка они прониклись друг к другу уважением. Обменявшись именами, они перешли к более душевным беседам.

Когда речь зашла о Глазе Бога, Ганьшэн замолчал. Подумав немного, он поведал свою историю.

Четыре года назад...

В ритуальном бюро Ваншэн царило запустение. Даже сороки, что обычно гнездились на цветущей сливе у дома, притихли. Они склонили головы, глядя на распахнутую дверь спальни, и в их глазах, казалось, читалась скорбь.

Старик на кровати был уже при смерти, его губы едва шевелились, но слов было не разобрать.

Ганьшэн сидел рядом, отвечая на каждое слово старика. Шли часы, голос угасал, а юноша становился все молчаливее.

Никто, кроме того статного консультанта, не знал, о чем они говорили, лишь до слуха донеслись слова: Контракт заключен, и нарушивший его познает гнев камня.

Старик скончался с улыбкой на устах.

Консультант вышел за дверь, словно не в силах видеть, как ребенок разразится рыданиями.

Ганьшэн хотел что-то сказать, но не смог выдать ни звука. Он чувствовал лишь ледяной холод в ладони, где лежал квадратный светло-голубой камень.

Это должно было быть благословением и признанием богов, но почему... почему именно сейчас, когда старый хозяин бюро был еще жив? Почему именно так?

Насмешка богов? Их издевательство? Или их самонадеянная жалость?

Юноша отправился на поиски адептов, и их искусство запечатало нежданный дар богов.

— Дитя, ты должен хорошо подумать. Глаз Бога — это воплощение твоих собственных желаний. Твое желание слишком велико, поэтому и Глаз Бога получился сильнее, чем у других. Старуха может помочь тебе запечатать его на время, но чем дальше ты будешь идти по пути своего желания, тем мощнее будет становиться его сила. В конце концов, тебе придется встретиться с ней лицом к лицу, хочешь ты того или нет.

Нет, юноша не встретится с ней... он никогда не хотел этого.

Достаточно быть в тени. А в тени свету не место, даже самому крошечному лучику.

Выслушав эту историю, Моча почувствовал, как сжалось сердце. Он погладил Ганьшэна по голове. Этот ребенок, ровесник Мочи, пережил гораздо больше: будучи сиротой, он своими глазами видел уход единственного близкого человека. Это было невыносимо больно.

Видимо, цена великой силы — это тяжелая судьба.

Моча окончательно утвердился в мысли, что обязательно возьмет Ганьшэна с собой в путешествие, чтобы тот увидел мир.

После разговора Сяо забрал Ганьшэна на тренировку, а Моча вернулся в комнату. Он ел шоколад и практиковался в контроле магии.

Время текло медленно, и когда он наконец остановился, была уже глубокая ночь, а солнце вот-вот должно было опалить горизонт первыми лучами.

Моча умылся и, едва добравшись до кровати, провалился в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/18778/1821815>